

**ЕВРОПЕЙСКИЙ ГОРОД В ЗАПИСКАХ РУССКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.:
СТРАТЕГИЯ ОПИСАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ПАРИЖА)**

Статья посвящена изучению стратегии описания европейского города в записках русских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. На примере заметок о Париже автор выделяет перечень наиболее важных характеристик и объектов, дающих современникам представление о городе. Способ наблюдения и описания, который можно назвать «картинным», весьма характерен для Нового времени. Он позволяет путешественникам создавать свои «картины Парижа», находясь в то же время в рамках программы наблюдений, предложенной просветителями.

Ключевые слова: записки путешественников, образы Парижа, стратегия описания.

Особая роль в процессе освоения культурно-географического пространства Европы русскими путешественниками принадлежит городам. Будучи центрами власти, местами проведения масштабных ярмарок, имея в своих пределах университет, музей или галерею, обладая своим неповторимым колоритом, они давали путешественникам возможность ближе познакомиться с жизнью европейцев. Сравнительный анализ путевых записок позволяет говорить о существовании некоторых общих представлений о европейских городах.

Практически всегда описание города в путевых записках начинается с общей характеристики («хорош – нехорош», «красив – некрасив») а также рассказа о его улицах, домах, площадях. Из писем о Германии Н.М. Карамзина мы узнаем, что «Дрезден едва ли уступает Берлину в огромности домов; но только улицы здесь гораздо теснее» [1. С. 172], Мейсен «...сам по себе очень некрасив. Улицы не ровны и не прямые; дома все готические и показывают странный вкус прошедших веков» [1. С. 199]. Аналогичные по смыслу характеристики других городов Европы встречаются у остальных путешественников. Закономерен вопрос: если есть общая для наблюдателей манера суждения о городской застройке, каков же образец, представление о том, каким должен быть город, на основании которого выносятся подобные суждения? Думается, ответ можно найти в «Энциклопедии». «Чтобы город был хорош, необходимо, чтобы основные улицы вели к воротам, чтобы они были, по возможности, расположены перпендикулярно по отношению друг к другу для того, чтобы дома имели прямые углы. ... На месте пересечения улиц располагаются площади, к главной ведут большие улицы, площади украшают

* © Стефко М.С., 2009

Стефко Мария Станиславовна – Институт российской истории РАН

одинаковые фасады выходящих на нее домов, статуи и фонтаны. Если же дома хорошо построены, а их фасады украшены – все это будет вызывать восхищение» [2]. Таково общее понятие о хорошо выстроенном городе. О степени его распространенности можно судить хотя бы по тому, какие принципы были положены в основу планировки Санкт-Петербурга, продолжавшего строиться и в рассматриваемый в данной работе период.

Делая общие заключения об устройстве города, как правило, по первому впечатлению, путешественники, останавливаясь в нем на несколько дней или месяцев, начинают узнавать его изнутри. Таким образом, в «котле текстов и смыслов» (Ю.М. Лотман), каковым является город, формируются его новые образы, запечатленные в записках путешественников. В них парижские впечатления и сведения о городе представляют собой некое подобие мозаики. Авторы заранее сообщают своим адресатам, что полные описания Парижа и его достопримечательностей они могут найти в книгах других авторов, а сами представляют своему читателю свои «примечания», сюжеты, «достойные упоминания», таким образом формируется новая авторская «картина Парижа».

Слово «картина» здесь возникает не случайно: в сочинении Л.-С. Мерсье (весьма популярном в то время) это слово вынесено в заголовок и определяет манеру всего повествования; авторы писем также предлагают своим читателям «картины». М. Хайдеггер отмечает, что само понятие «картина мира» появляется именно в Новое время, когда мир понимается как картина. «Составить себе картину чего-то – значит поставить перед собой само сущее так, как с ним обстоит дело, и так поставленным иметь его перед собой постоянно. ... Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком» [3]. Этот способ позволяет его конструировать, при этом критерием верификации сущего становится сам человек – творец картины. «*Пред – ставить* значит тут: поместить перед собой наличное как нечто противостоящее, соотносить с собой, представляющим, и понудить войти в это отношение к себе как в определенную область. Где такое происходит, там человек составляет себе картину сущего» [3]. Одновременно меняется роль самого человека: «Составляя себе такую картину, человек самого себя выводит на сцену, т.е. в открытый круг общедоступной и всеоткрытой представленности. Тем самым человек сам себя выставляет как ту сцену, на которой сущее должно впредь представлять, показывать себя, т.е. быть картиной. Человек становится репрезентантом сущего, в смысле опредмеченного» [3]. Такое понимание мира и себя в нем создает почву для такой стратегии рассказа об увиденном, какую мы наблюдаем в записках путешественников Нового времени.

Посмотрим на описания Парижа с этой точки зрения. В «Энциклопедии» этот город в нескольких строках охарактеризован следующим образом: «Париж – древний город, в настоящее время – один из самых больших, прекрасных и многолюдных во всем мире. Он один произвел столько великих людей, столько ученых и образованных людей, сколько остальные города Франции вместе взятые» [4]. О том, насколько был высок интерес к этому городу, говорит тот факт, что в 1770 году «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», выпустило отдельным изданием статью г-на Жокура «Париж» из семнадцатого тома «Энциклопедии» [5].

Описания Парижа, впрочем, как и других городов, можно свести к следующим темам: общие впечатления (о них см. выше) и наблюдения о жизни в городе, горожане, их занятия и нравы, достопримечательности и их описание, великие (интересные) люди. Отметим, что такая программа наблюдений (она является частью программы большого европейского путешествия) была сформулирована в сочинениях Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо [6].

За общими рассуждениями о красоте и устройстве города в описаниях обычно следуют данные о численности населения. В своих письмах Д.И. Фонвизин называет его «целым миром» [7]. Спустя десятилетие Н.М. Карамзин пишет: «Мне казалось, что я, как маленькая песчинка, попал в ужасную пучину и кружусь в водном вихре» [8]. Итак, Париж – огромный, густонаселенный шумный город. По утверждению Карамзина, он вмещает в себя 1.130.450 жителей, между которыми полагается 150.000 иностранцев и 200.000 слуг [8. С. 174-175]. В литературе того времени встречаются и другие данные: Л.-С. Мерсье в «Картинах Парижа» говорит о 800.000 жителей [9], а в путеводителе по Парижу за 1810 год говорится только о 600.000 населения [10]. Но даже такие цифры должны были впечатлить читателя, т.к. только в 1800 году в Петербурге численность населения составила более 220.000 человек [11]. Такие цифры подтверждали (теперь уже статистически) образ огромного Парижа, сформированный в европейской литературе путешествий. Прямые ссылки на некоторые подобные сочинения встречаются в текстах русских путешественников. Среди них – «Новое описание окрестностей Парижа» и «Новое описание достопримечательностей Парижа» Ж.-А. Дюлора, «Essais historiques sur Paris» J.-F. P. de Saint Foix, «Картины Парижа» Л.-С. Мерсье, «Géographie de la Croix» В. de la Bruyère. Так, Мерсье называет Париж «колоссальной столицей», «пучиной» и «громдным наростом» на теле государства.

Следующий этап наблюдений – уклад жизни горожан. Контрастность – еще одно сильное парижское впечатление, зафиксированное в записках путешественников. Д.И. Фонвизин замечает: «Нет шагу, где б не находил я чего-нибудь совершенно хорошего, всегда, однако ж, возле совершенно дурного и варварского. Такая несообразность должна удивить каждого...» [7. С. 439]. В «Письмах русского путешественника» этот контраст переходит в социальный антагонизм, буквально пропитывающий парижский воздух (речь о 1789 году). «Скоро въехали мы в предместье святого Антония но что же увидели? Узкие, нечистые, грязные улицы, худые дома и люди в раздранных рубищах. «И это Париж, – думал я, – город, который издали казался столь великолепным? Но декорация совершенно переменялась, когда мы выехали на берег Сены; тут представились нам красивые здания, дома в шесть этажей, богатые лавки. Картина пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете через подземельные трубы сливается в Париж нечистота и гадость. Одним словом, что шаг, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты – так, что вы должны будете назвать Париж самым великолепным и самым гадким, самым благоуханным и самым вонючим городом. Улицы все без исключения узки и темны от огромности домов...» [8. С. 167-168].

Все путешественники обращают внимание своих читателей на высокую скорость коммуникации в Париже. Афиши, периодические листки, журналы, да-

ющие пищу для обсуждений в кафе и на улицах. «Новые вести составляют пищу здешних жителей. Всякая новость занимает все головы» [7. С. 439]. Сами путешественники довольно активно постигают новый для них (пусть даже и немного знакомый по книгам и рассказам) город. «Я всякий день бегаю с утра до вечера по городу, чтоб видеть все примечательное...» [7. С. 444]. «Я в Париже! – говорю сам себе и бегу из улицы в улицу, из Тюльери в поля Елисейские, вдруг останавливаюсь, на все смотрю с отменным любопытством...» [8. С. 157-158]. Движение карет и людей на улицах, бурные споры в кафе, овации (или свист) в театральных залах, множество людей на гуляниях – все это создает постоянный фон движения для калейдоскопической смены впечатлений и наблюдений, представленных читателю.

Нравы парижан также довольно красочно описаны путешественниками. Фонвизин отмечает их «неизреченную праздность», любовь к игре и *le beau sexe**, к свежим новостям, театру и ридикюлям (курьезам, забавным историям), хвалит укорененность «идеи отечества и короля» в сердцах парижских французов и ругает их «ложный *point d'honneur*», пустой блеск, взбалмошную наглость в мужчинах, бесстыдное непотребство в женщинах» [7. С. 444]. В карамзинской характеристике нравов парижан нет обличительных интонаций: среди добродетелей им названы ум, любезность души и чувствительность, среди пороков – ветреность и непостоянство. У Горихвостова – лишь только «разборчивость во вкусе, беспристрастность в суждениях, справедливость, готовность прийти на помощь в случае необходимости, а также – любовь к свежим новостям [12]. Рассуждения о нравах разных народов были общим местом во всех описаниях путешествий, подобного рода информация была настолько популярна, что проникала даже в учебную литературу того времени, где предлагались краткие схематичные характеристики разных народов, часто они входили в разговоры. Как отмечает П.С. Куприянов, стереотипы могли меняться, но принцип продолжал работать: по таким характеристикам можно было опознать представителя какой-либо нации. «Несомненно, эти типичные этнические черты были хорошо известны путешественникам, имевшим блестящую возможность поупражняться в «узнавании» разных народов по их характерным свойствам и тем самым проверить истинность своих представлений на практике».

Перечень парижских достопримечательностей, которые стремится видеть каждый, весьма широк: это театры, человеколюбивые заведения, учебные заведения, кафе, «гуляния», дворцы и столичные пригороды. При тождестве групп наблюдаемых объектов содержание их неодинаково: различаются обстоятельства путешествий, личные интересы и предпочтения самих путешественников. Так, Н.М. Карамзин дает обширные описания парижской театральной жизни на примере Гранд-Опера, Французского и Итальянского театров, а Д.П. Горихвостов посещает второклассные театры. Д.И. Фонвизин и Н.М. Карамзин – академии, Д.П. Горихвостов – учебные заведения более практической направленности: политехническую, медицинскую, военную школы. Важной частью любого посещения Парижа и в XVIII-XIX вв. были посещения королевских резиденций.

* Прекрасный пол

Париж представляется путешественникам средоточием интеллектуальной жизни. Будучи хорошо знакомыми с идеями просветителей, путешественники стремятся увидеть их самих или места, связанные с их жизнью. Стоило приехать в Париж, чтобы увидеть, говоря словами Д.И. Фонвизина, «всех мудрых века всего», или почтить их память. Фонвизин наблюдает за тем, как Вольтер успокаивает публику в театре, принимает с благодарностью адреса, дивясь своей славе. Философ любезно разговаривал с женой Фонвизина, когда те «остановились посмотреть на славного человека». Признание современников не мешает ему оставаться скромным человеком. Однако это личное свидетельство, и оно еще более его укрепляет.

Не состоялось знакомство Дениса Ивановича с Ж.-Ж. Руссо. В августе 1778 года он сообщает родным о смерти философа, бывшего «всех почтеннее и честнее из господ философов нынешнего века» [7. С. 452], а также все известные ему слухи об обстоятельствах этой смерти.

Н.М. Карамзин и Д.П. Горихвостов едут в Эрменонвиль – место, освященное присутствием Ж.-Ж. Руссо. Магия Эрменонвиля – в его атмосфере, пейзажах, памяти о великом человеке своего времени. Частью всего этого мог стать путешественник на некоторое время. Например, видеть то «окно, которое перед смертью Руссо велел отворить своей Терезе, чтоб в последний раз насладиться прелестями Натуры» [12. С. 38].

В письмах Д.П. Горихвостова мы встречаем еще одного героя, не философа и не литератора – внимание русского путешественника привлекает Наполеон Бонапарт. Он наблюдает, как прославленный генерал, консул (видимо, речь идет о периоде 1802-1804 гг.) в сопровождении супруги и малой свиты «осматривает плоскодонные суда, строящиеся для высадки в Англию» [12. С. 25-26]. Это не просто прогулка на лодках – на глазах путешественника творится история. Важности происходящему добавляет то, что все это автор писем видит «так близко». Наполеона можно было увидеть и «на параде, и на карусельной площади» [12. С. 27], но с большего расстояния.

Но не только чуткими наблюдателями становились русские путешественники в Париже. Положение, связи, собственные литературные таланты позволили Фонвизину и Карамзину самим войти в круг парижских интеллектуалов. Д.И. Фонвизин проводит «ученое утро» с Д'Аламбером, знакомится с директором Французской академии А.-Л. Тома, писателем Ж.-Ф. Мармонтелем. Вместе с Б. Франклином (бывшем тогда послом в Париже) его принимают в Собрании общества писателей и художников. Здесь он рассказывает «о свойстве нашего языка» и получает предложение стать корреспондентом, присутствует на заседаниях Академии. Н.М. Карамзин, по наблюдениям Ю.М. Лотмана, был вхож в якобинский клуб Жильбера Ромма.

Таким образом, анализ описаний Парижа позволяет говорить о наличии общего понимания того, что представляет собой город. Эта общность видна в стратегиях его описания. Очевидное влияние на содержание описаний оказали просветительская программа путешествий, литературная традиция, а также характерное для Нового времени картинное восприятие мира. Оно ставило перед путешественником проблему выбора объекта наблюдения (описания), а сам факт такого наблюдения удостоверял объект как существующий. Таким образом, в рамках таких «обязательных» объектов описания, как «город и его жители», «нравы», «достопримечательности», «известные люди»,

авторы путевых заметок имеют возможность выстроить свою «картину Парижа» – города, который не оставлял равнодушным россиян и европейцев в течение многих веков.

Библиографический список

1. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника/ Н.М. Карамзин // Сочинения: в 8 т. – М., 1803. – Т. 2.
2. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1765. – V. 17. – P. 277.
3. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер. – Режим доступа: <http://socnet.narod.ru/library/authors/heidegger/time.htm>.
4. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1765. – V.11. – P.944.
5. Париж, статья из Энциклопедии. СПб., 1770.
6. Сочинение Локка «О воспитании детей», равно как и «Эмиль» Руссо (в пятой книге содержится интересующий нас раздел о путешествиях), неоднократно печатались в России на протяжении XVIII-XIX вв.
7. Фонвизин, Д.И. Собрание сочинений: в 2 т. – М.; Л. – 1959. – Т. 2. – С. 438.
8. Карамзин, Н.М. Указ. соч. Т.4.
9. Мерсье, Л.-С. Картины Парижа / Л.-С. Мерсье. – М., 1995. – С.17.
10. Reichard, H.A. Guide des voyageurs en France / H.A. Reichard. – Weimar, 1810. – P. 66.
11. Гордин, А. Пушкинский век: Панорама столичной жизни / А. Гордин, М. Гордин. – СПб., 1994. – Кн. 1. – С. 47.
12. Горихвостов, Д.П. Письма россиянина, путешествовавшего по Европе с 1802 по 1806 гг.: в 3 ч. / Д.П. Горихвостов. – М., 1808. – Ч. 2. – С. 64-65.

M.S. Stefko

CONCEPT OF «EUROPEAN CITY» IN THE NOTES OF RUSSIAN TRAVELLERS AT THE END OF THE 18TH-EARLY 19TH CENTURIES: STRATEGY OF DESCRIPTION AND SOURCES OF IDEAS (ON THE EXAMPLE OF PARIS)

The article deals with the description strategy of European city in the notes of Russian travellers at the end of the 18th – early 19th centuries. On the example of notes about Paris, the author makes a list of the most important descriptions and objects that give a notion about it. The «pictorial» mode of observation and description is quite typical for Modern times. It allows travellers to create their own vision of Paris and stick to the Enlightenment's programme of travel.

Key words: notes of travellers, the images of Paris, the strategy of description.